

На тропах Горы Спящего Дракона громоздились причудливые валуны. В народе ведь говорят: не в высоте горы её величие, а в бессмертном, что в ней обитает.

Ху Пэй неспешно поднимался по склону, любуясь видами. Он останавливался чуть ли не каждые десять шагов, чтобы перевести дух, так что при такой неторопливой ходьбе добраться до расположенной на полпути к вершине Усадьбы Десяти Мудрецов он смог бы разве что к завтрашнему дню.

Когда он собрался передохнуть во второй раз, то даже не успел остановиться. Стоило ему сделать очередной шаг, как нога опустилась прямо у ворот усадьбы.

«Надо же... Неужели на свете и правда есть бессмертные?» — подумал юноша.

Но разве испытание на стойкость и благонравие уже окончено?

— Бессмертными их назвать трудно, но идущие по этому пути здесь точно найдутся, — раздался насмешливый голос.

Князь Сюань, Сюаньюань У, стоял у деревянных ворот усадьбы, скрестив руки на груди. Он насмешливо приподнял бровь:

— Господин Линцзюнь... В шесть лет твоя красота потрясла всю Золотую столицу. Устав от пустых славословий, ты решил доказать свой ум и превзошел в знаниях весь клан Оуян. Тогда же великий книжник Оуян Юйху наградил тебя тем двусмысленным прозвищем: «в детстве умён, да вырастет ли толк». Год назад благодаря усердию ты в восемь лет окончил начальную школу Белого Коня, поступил в Государственный университет и заслужил похвалу Великого историографа и наставников за прилежание и вежливость. Так что испытания на волю и добродетель ты уже выдержал.

Ху Пэй выслушал этот подробный перечень собственных достижений с неизменным спокойствием. Он скользнул взглядом по яшмовой подвеске на поясе собеседника, а затем посмотрел на его лицо — молодое, но со взглядом пронизательным и глубоким.

Юноша почтительно сложил ладони в приветствии:

— Ху Пэй приветствует вас, великий князь.

В Империи Великая Чжоу был лишь один удельный князь — Сюань-цзюньван из Восточной столицы. Заклинатель, охранявший запретные земли у храма предков клана Фэн, живое божество в глазах простых смертных. Его появление здесь, на Горе Спящего Дракона... скорее всего, было продиктовано обычным любопытством. Решил поглазеть на зрелище.

— А ты и впрямь не промах, — усмехнулся Сюаньюань У. — Простодушным тебя точно не

назовешь, но всем прочим требованиям ты вполне соответствуешь.

— Разве тот, кто владеет Минчжэн, обязан искусно играть на цитре? И неужели среди Десяти Мудрецов непременно должен быть мастер струн? — Ху Пэй закончил приветствие и, обойдя князя, переступил порог усадьбы.

Внутри цвели горные кустарники, шелестели ивы, журчала вода под бамбуковыми мостиками, а извилистые тропинки манили в глубину сада.

Ху Пэй пошел по усыпанной лепестками дорожке, но стоило ему сделать несколько поворотов, как он обнаружил, что снова стоит у главных ворот.

Юноша встретился взглядом с невозмутимым Сюаньюань У и слегка улыбнулся:

— Волшебство бессмертных?

— Вовсе нет, обычное военное искусство, построение войск, — рассмеялся Сюаньюань У, по-прежнему подпирая плечом косяк. — В последние годы войн не было, вот наш мастер и размялся слегка. Если бы этот лабиринт выстраивал я, клянусь, ты бы вовек отсюда не выбрался.

Ху Пэй всё понял. Значит, это работа одного из Десяти Мудрецов — Великого защитника Сюаньюань Кая.

Он снова повернулся к тропе. Сделав пару шагов, юноша запустил руку в широкий рукав, выудил оттуда белую лисицу и бережно прижал её к груди. С силой проведя ладонью по мягкому меху, Ху Пэй остановился на первой развилке и заглянул лисе в глаза.

Душа Повелителя Грома, скрытая в теле зверя, приоткрыла алые глаза. Ощувив тяжесть чужой ладони на спине, лис слегка надавил левой лапой на руку юноши.

Ху Пэй без колебаний свернул налево. Руководствуясь подсказками — мягкими нажатиями то левой, то правой лапки зверя, — он благополучно миновал запутанный цветочный лабиринт и вышел к просторной беседке в глубине сада.

Сюаньюань У уже ждал его там, небрежно прислонившись к опорному столбу. Лениво зевнув, он бросил стоявшему рядом Сюаньюань Каю:

— А малец-то не промах. Да и лицом весьма недурен.

Суровый Сюаньюань Кай молча поклонился князю Сюаню, кивнул остальным гостям в беседке и направился навстречу приближающемуся Ху Пэю. Поравнявшись с юношей, полководец едва

заметно склонил голову и, даже не остановившись, прошел мимо, направляясь к выходу из усадьбы.

Ху Пэй опустил руки после приветственного поклона.

Великий защитник Сюаньюань Кай, прозванный «Стальным щитом империи», полностью оправдывал свою славу: холодный, непреклонный, со взглядом, омытым кровью былых сражений. Не проронив ни слова, он каждым своим жестом демонстрировал суровое благородство, свойственное лишь воинам-книжникам.

Ху Пэй понимающе улыбнулся и продолжил путь к беседке. Уход генерала не вызвал у него ни удивления, ни страха. Этот поступок говорил о двух вещах: во-первых, нужный человек наконец явился; во-вторых, государева служба не оставляла Великому защитнику времени для долгих философских бесед.

Помимо развалившегося у перил Сюаньюань У, в беседке находились еще пять человек — четверо мужчин и одна женщина.

Ху Пэй внимательно оглядел их одежды и осанку, сопоставляя увиденное со слухами, и безошибочно определил каждого.

Мужчина с величавой выправкой в роскошном темно-пурпурном шелке — не кто иной, как Великий наставник Хо Удун. Рядом с ним стояла женщина, от которой веяло благородством и скрытой силой — преемница Дворца Небесных Тайн, Великая ученая Шэнь Тяньсинь. Чуть поодаль расположились трое затворников. Один из них, буддийский монах с чисто выбритой головой, в лучах заходящего солнца казался отлитым из золота. Это был мастер Ляньхуа, доставивший цитру Минчжэн в столицу. Двое других — знаменитый ученый старой школы Се Даоцзань и мастер меча и кисти Цзи Чуньмин.

Из Десяти Мудрецов здесь собрались семеро — не хватало еще троих. Великая цитристка Е Цзычжэнь уже покинула этот мир, оставив после себя лишь Минчжэн. Из оставшихся отсутствовали Ду Няньжу — гениальный изобретатель и непревзойденный пьяница, а также таинственный первый мечник Поднебесной Гу Сюэлян, чьи следы давно затерялись.

Ху Пэй вошел под своды беседки и склонился в глубоком поклоне:

— Младший ученик Ху Пэй приветствует великого князя, Великого наставника, Великую ученую, мастера Ляньхуа и почтенных наставников Се и Цзи.

— Какая проницательность. Сразу видно, что юноша не привык действовать вслепую, — Хо Удун, поглаживая седую бороду, негромко рассмеялся. — Умеешь ли ты играть или нет — вопрос второстепенный. Сегодня мы ищем того, кто достоин унаследовать сокровище покойной Е Цзычжэнь. Готов ли ты испытать себя?

Взгляд Ху Пэя остановился на длинной старинной цитре, лежавшей на столике посреди беседки.

— Младший ученик дерзнет попробовать, — спокойно ответил он.

Мастер Ляньхуа одобрительно кивнул. Ху Пэй поклонился еще раз, подошел к бамбуковому желобу с проточной водой, омыл руки и тщательно вытер их чистым платком. Вернувшись в беседку, он вежливо поклонился присутствующим и опустился на циновку перед Минчжэн. Движением широкого рукава он зажег приготовленное благовоние с тонким ароматом дикой орхидеи.

Втянув носом струйку дыма, Ху Пэй едва заметно прищурился, скрывая удивление.

Он сидел прямо и неподвижно, разглядывая узоры на деревянном корпусе Минчжэн, а затем осторожно коснулся инструмента ладонью. На деке виднелись глубокие борозды — следы от ножа и иглы. Становилось ясно: покойная владелица, хоть и звалась Безумной цитристой, не слишком-то берегла свое сокровище.

Мастер Ляньхуа, привезший Минчжэн в столицу как старый друг усопшей, негромко пропел буддийскую сутру, а затем неторопливо заговорил:

— Госпожа Е вышла замуж в нежном пятнадцатилетнем возрасте. Супруги жили душа в душу, а в доме царили покой и согласие. Но счастье их оказалось недолговечным. Когда её сыну исполнилось одиннадцать лет, он самовольно принял постриг и покинул отчий дом, напоследок сказав: «Пришел мой час исполнить предначертанное и делом явить истинный Путь». Уход единственного ребенка стал для неё началом горьких бедствий. Вскоре муж отвернулся от неё, свекор со свекровью преисполнились ненависти, а престарелые родители, пытавшиеся отстоять её честь, погибли насильственной смертью. Судьба заставила эту женщину испить чашу земных страданий до самого дна. Под старость она осталась совсем одна, и лишь цитра Минчжэн скрашивала её одиночество. Горечь предательства, муки разлуки, несбыточные надежды — познав все грани человеческого страдания, она наполнила свою игру такой невыносимой тоской, что её музыка переворачивала души людей.

Ху Пэй молча слушал рассказ монаха. Он перевел взгляд на лица присутствующих — кто-то сокрушенно вздыхал, кто-то оставался безучастным, — а затем вновь посмотрел на Минчжэн.

Но не успел он решить, как рассеять этот застоявшийся дух скорби, как налетевший порыв горного ветра всколыхнул кроны деревьев, и струны цитры запели сами собой.

Дзынь... дон...

Все вздрогнули и разом поднялись на ноги.

Князь Сюань среагировал мгновенно: рванулся вперед, схватил ошеломленного Ху Пэя за плечо и оттащил от инструмента.

— Что за чертовщина? — нахмурился он.

Мастер Ляньхуа поспешно забормотал молитву.

— Неужели в инструмент вселился дух? — вымолвил Цзи Чуньмин, хватаясь за рукоять меча.

Се Даоцзань со вздохом покачал головой:

— Верно, Минчжэн тоскует по усопшей хозяйке и вторит нашему разговору.

Однако Великий наставник Хо Удун и Великая ученая Шэнь Тяньсинь лишь нахмурились — государственная служба научила их искать земные причины.

Тем временем невидимые пальцы коснулись струн быстрее. Звуки, подхваченные ворвавшимся в беседку вихрем, зазвучали пронзительно и яростно, словно молнии, бьющие из грозовых туч.

Резкие переборы струн обрушились на слушателей подобно урагану. Бешеная музыка когтями впивалась в разум, пробуждая в глубине души глухую ярость, обиду и застарелую ненависть.

Из широкого рукава Ху Пэя на пол бесшумно скользнул белый лис.

Повелитель Грома прищурился, вглядываясь в пространство перед инструментом. Там, недоступный взору простых смертных, колыхался призрачный силуэт. Душа Е Цзычжэнь так и не ушла в Девять Преисподних — она слилась с Минчжэн и теперь пробудилась, потревоженная поминальными речами монаха.

Музыка гремела подобно обвалу в горах. Несколько человек судорожно схватились за грудь, ища опору у деревянных колонн, и согнулись от невыносимой душевной боли.

— Берегитесь! Музыка сводит с ума, это... — крикнула Шэнь Тяньсинь, но осеклась и выплюнула сгусток темной крови. Даже не утерев губ, она попыталась зажать уши руками, но безуспешно. Смертоносный мотив уже проник в сознание, безжалостно вороша старые обиды.

— Амитабха... — Мастер Ляньхуа опустился прямо на пол и, зажмурившись, принялся лихорадочно читать сутру упокоения душ, но голос его срывался.

Хо Удун, Се Даоцзань и Цзи Чуньмин держались из последних сил, стиснув зубы, сквозь которые сочилась кровь.

Князь Сюань сразу понял, что дело нечисто. Однако все его хваленые артефакты могли воздействовать лишь на плотный мир. Искусством изгнания духов он не владел — его слава «земного бессмертного» была лишь красивой ширмой, державшейся на чужих безделушках. Сейчас его спасала только защитная подвеска, подаренная настоящим заклинателем: она слабо мерцала на поясе, сдерживая натиск безумной мелодии.

А вот Ху Пэй оставался невредим исключительно благодаря невероятной силе собственного духа.

Сюаньюань У уставился на юношу в полном изумлении:

— Как ты ухитришься стоять на ногах?!

Ху Пэй лишь спокойно взглянул на него:

— Но ведь и вы держитесь.

В этот момент буря стихала. Струны запели тихо, протяжно, словно весенняя паутинка на ветру, дав несчастным короткую передышку. Однако пришедший вслед за этим леденящий сквозняк принес с собой каплю за каплей новые звуки. Они вонзались прямо в душу, навевая беспричинную тоску. Глаза присутствующих повлажнели, у кого-то по щекам покатались горькие слезы.

«Ну и тоска...» — подумал Повелитель Грома.

Белый лисий хвост мягко обвился вокруг щиколотки Ху Пэя, и через это прикосновение в тело юноши потекла чистая духовная энергия.

Перед глазами Ху Пэя на мгновение все померкло. Когда зрение вернулось, он увидел сидящую перед цитрой женщину в поношенном платье. Из её глаз катились кровавые слезы, а она изящно перебирала струны тонкими пальцами, рождая эти полные безысходности звуки.

Сюаньюань У, чувствуя, что силы на исходе, стиснул кулаки и опустился на колени, пытаясь удержать ускользающее сознание. Он хотел было утянуть за собой Ху Пэя, чтобы уберечь его, но тот уже шагнул вперед, бережно подхватив на руки белого лиса.

— Господин Линцзюнь!.. — попытался крикнуть князь, но его голос утонул в призрачной дымке.

Рыдания Минчжэн увлекли всех присутствующих в пучину иллюзий. Великий наставник Хо Удун и остальные окончательно погрузились в свои самые мрачные воспоминания, из которых не было спасения.

Защищенный силой Повелителя Грома, Ху Пэй беспрепятственно подошел к цитре и опустился на колени прямо напротив призрака Е Цзычжэнь. Дух покойной парил над верхним порожком инструмента, а Ху Пэй оказался у самого изгиба деки.

Юноша и лис без слов поняли друг друга.

Душа Повелителя Грома мгновенно слилась с телом Ху Пэя. Поверх хрупкого юношеского силуэта проступили очертания величественной мужской фигуры. Тонкие пальцы Ху Пэя, повинаясь чужой воле, легли на струны рядом с прозрачными руками призрака.

Управляя руками юноши, Повелитель Грома уверенным скользящим движением оборвал заунывный плач. Струны вздрогнули, отвечая новому мастеру. Мелодия переменялась: теперь она текла свободно и легко, словно ветер в кронах вековых сосен или чистый ручей, пробивающийся сквозь камни к облакам. В ней не осталось места человеческой скорби — лишь вечное величие природы.

Призрак Е Цзычжэнь замер. Кровавые слезы на её лице растаяли без следа, а под звуки новой песни она впервые за долгое время улыбнулась, вспомнив свою далекую юность.

Но горечь её ухода была слишком велика. Счастливая юность сменилась второй половиной жизни, которая оказалась горше полыни.

— Ушел мой милый, не обернувшись... Чье сердце не сожмется от жалости? Сыну едва исполнилось одиннадцать, зачем же ты, супруг, ожесточился душой и разбил мне жизнь своей холодностью?.. О горе мне... — запричитал призрак.

От собственных невыплаканных слез очертания женщины начали истончаться, подергиваясь багровыми искрами. Она бессильно припала к плечу играющего Ху Пэя, содрогаясь в беззвучных рыданиях.

Вот от чего она умерла — от непосильной горечи. Нет ничего страшнее угасшего при жизни сердца.

Однако Повелитель Грома продолжал играть. Его музыка говорила о том, что земные бури мелки и преходящи. Принимать предначертанное, следовать Пути и исполнять свой долг — вот единственное, что имеет значение для того, кто ищет истину.

Под эти негромкие, умиротворяющие звуки в пространстве беседки начала медленно разверзаться воронка, ведущая в Девять Преисподних.

С каждым новым пассажем Повелитель Грома сквозь глаза юноши бесстрастно наблюдал за тем, как затихает безумная скорбь призрака. На лице Е Цзычжэнь наконец воцарилось умиротворение.

Она поднялась, сделала шаг назад и, повинаясь небесным звукам, решилась уйти на перерождение. Растворившись в прохладном воздухе, её душа соскользнула в Девять Преисподних.

Призрачный зев бездны мгновенно сомкнулся.

Наведенный морок рассеялся. Великий наставник Хо Удун, мастер Ляньхуа и остальные начали приходить в себя.

Се Даоцзань, тяжело переводя дыхание, вытер кровь с подбородка и прошептал:

— Мечтать о вечной любви до седых волос... Нечасто смертным дано услышать подобное откровение.

Цзи Чуньмин благодаря внутренней силе пострадал меньше других. Он дружески похлопал товарища по плечу:

— Да встретит каждый ту душу, с которой не расстанется до самой старости.

Оба старых друга понимающе улыбнулись друг другу.

Успокоив взбунтовавшуюся в меридианах энергию, Сюаньюань У поднялся на ноги и с грустной улыбкой посмотрел на Ху Пэя:

— Столь юн, а сердце познало всю глубину земной скорби. Поразительно.

Хо Удун заботливо поддержал покачнувшуюся Шэнь Тяньсинь, которая в ответ благодарно поклонилась старику. Мастер Ляньхуа прочел молитву и устремил взгляд на молодого человека.

Все присутствующие не сводили глаз с неторопливо поднимающегося Ху Пэя и белого лиса, замершего у его ног.

— Отныне Минчжэн принадлежит тебе, — негромко произнес Хо Удун. — Что скажете, мастер Ляньхуа?

— Молодости приличествует отвага и дерзость, — кивнул буддийский наставник. — Ему и вести инструмент вперед. В этой цитре... скопилось слишком много слез.

Однако Ху Пэй не согласился с ними. Он вежливо поклонился:

— У этой цитры говорящее имя — Минчжэн, «Ясный звон». В руках госпожи Е она звенела упреком жестокой судьбе, но в моих руках обретет твердость железа. Инструмент должен иметь душу, иначе грош цена моему таланту. Почтенные старцы, достоин ли я войти в число Десяти Мудрецов и принять Минчжэн?

Хо Удун и остальные переглянулись. Юноша не просто укротил Минчжэн, он избавил её от проклятия безумия. С его мастерством он без сомнения заслуживал право владеть инструментом. Но достоин ли он места среди Десяти Мудрецов? Он был слишком молод, пусть даже и невероятно одарен. Стоило испытать его временем.

Заметив сомнение в их глазах, Ху Пэй на миг задумался. Он обошел столик с цитрой и шагнул к старцам. Одним взмахом широких рукавов он расправил складки одежд и улыбнулся. В эту минуту он казался сошедшим со свитка портретом благородного юноши: чистый, безмятежный и исполненный того же величественного покоя, что звучал только что в его музыке.

Его благородная осанка ничуть не уступала стати князя Сюаня, ухитрявшегося сохранять вечную молодость.

Выказав почтение старшим, Ху Пэй твердо произнес:

— Пусть я юн годами, но с малых лет постигал каноны мудрецов. В начальной школе моим наставником был великий Оуян, а в университете науки мне преподавал сам Великий историограф империи. Неужели моих познаний недостаточно, чтобы занять достойное место среди вас?

Хо Удун кашлянул в кулак и спросил с неподдельным любопытством:

— Ты совсем ребенок. Зачем тебе эта суетная слава?

— Года здесь ни при чем. Это цель моей жизни, и я сделаю все, чтобы её достичь. Десять Мудрецов славны не только умом, но и добродетелью. И если мне суждено... — Ху Пэй на секунду осекся, тень затаенной печали на миг омрачила его, но тут же сменилась прежней горделивой уверенностью. — Впрочем, даже если сегодня двери этой усадьбы закроются передо мной, клянусь: я никогда не посрамлю имени, которым наградили меня люди.

В этом хрупком мальчике странным образом уживались гордость и смирение. Он стоял перед ними с высоко поднятой головой, являя пример истинной стойкости духа. Этот искусный ход — уступить, чтобы затем сделать решительный шаг вперед, — не мог не подействовать на умудренных опытом книжников.

— Вот это характер! Настоящий юношеский пыл, не то что та заунывная музыка, — первым нарушил молчание Се Даоцзань. — Я отдаю свой голос за него.

Цзи Чуньмин согласно кивнул.

Мастер Ляньхуа, доставивший инструмент в столицу, чувствовал себя неловко: он и не подозревал, какую опасность таила в себе цитра. Юноша спас их всех от безумия, к тому же монах помнил свое обещание рекомендовать укротителя Минчжэн в число Десяти Мудрецов.

— Бедный монах судит по музыке и поступкам, — смиренно произнес он. — Этот молодой человек чист помыслами и не ищет дешевой славы.

Хо Удун и Шэнь Тяньсинь перевели взгляд на князя Сюаня.

Тот лишь небрежно махнул рукой:

— Нашему господину Линцзюню больше подошло бы имя «господин Лис», но у меня возражений нет.

Великий наставник и Великая ученая переглянулись и с улыбкой кивнули.

— Отныне ты признан одним из Десяти Мудрецов, — торжественно произнес Хо Удун. — Однако разум твой зрел не по годам, а жизненного опыта все же недостает. Тебе необходим наставник, способный направлять тебя. Есть ли у тебя на примете тот, у кого ты хотел бы учиться?

<http://bllate.org/book/18313/1761082>